

А.А. Байков

Цена признания "саммита непризнанных"

4 ноября в Сухуми откроется саммит глав так называемых «непризнанных государств» - Абхазии, Приднестровья и Южной Осетии. В этом событии всего хватает. Здесь вам и политическая провокация, и международно-правовой парадокс, и геополитическая претензия, за которой иным мерещится след территориальных амбиций России. Дает он и повод задуматься о путях эволюции современной мировой политической системы и содержащихся в этой эволюции рисков для государств вполне «признанных».

Первое, что обращает на себя внимание, - надуманность повестки дня. Саммит должен был пройти еще в апреле. Тогда его отменили из-за ухудшения состояния здоровья одного из участников - президента Абхазии Сергея Багапша. Впрочем, поговаривали, что решение о переносе встречи было принято за день до того, как абхазский лидер был госпитализирован с приступом стенокардии. На обсуждение были вынесены проблемы миротворчества в зоне грузино-абхазского конфликта. Интерес руководителей Южной Осетии и Приднестровья к этой теме сомнений не вызывал. Во всех трех республиках тлеют «замороженные» конфликты, градус реальной эскалации которых время от времени доставляет международному и региональному сообществу немало хлопот.

Формально апрельский саммит приурочили к заседанию Совбеза ООН, который должен был рассмотреть деятельность российских миротворцев в Грузии. Отменив саммит, стороны пообещали, что следующая встреча пройдет накануне аналогичного по тематике заседания Совбеза. Но на начало ноября подобных обсуждений в ООН вроде не запланировано.

Была, правда, у несостоявшегося апрельского саммита еще одна важная цель - провести консультации по проблеме Косово. Пожалуй, дилемма Косово, точнее ее восприятие как прецедента для решения дальнейшей судьбы трех республик, мало соприкасающихся друг с другом экономически, политически и культурно, - единственный драйвер, работающий на их сближение. А за ней - целый пласт международно-политических и международно-правовых противоречий, которые отнюдь не исчерпываются тремя крохотными республиками, «известность» которых не идет ни в какое сравнение с «косовским досье».

«Саммиты непризнанных», как их довольно быстро окрестили журналисты, - пример протестных движений в мировой политике. Их внутренняя динамика поддерживается идеей необходимой самоорганизации в условиях почти тотальной изоляции, когда тебя как бы и нет на карте. В такой ситуации без инициативного противопоставления себя окружающим не выжить. Необходимо подогреть к себе интерес. Пусть даже не интерес - простое любопытство.

В этих республиках борьба за место под солнцем ведется на двух фронтах. На внутреннем треке решаются повседневные задачи: экономические, инфраструктурные, социальные. Политический аспект также присутствует, но менее очевидно. Как ни странно, стабильность властной вертикали и механизмов ротации элит в этих республиках намного выше, чем в государствах, от которых они стремятся отделиться. По-видимому, причина в компактности «непризнанных» республик и в высокой степени политической мобилизации населения, важнейшей предпосылке устойчивого демократического правления. На внешнем треке борьба идет за привлечение внимания. Главное - не осесть в маргинальной зоне мировой политики и экономики, ибо это - верная смерть.

Где «непризнанным» искать признания? Едва ли в России. Со стороны иной раз может показаться, что Москва ведет дело к их независимости. Но это не так. Принципиальная «антисепаратистская» позиция Москвы в косовском вопросе, вкупе с постоянными апелляциями к международному праву в других аспектах мировой политики, ясно свидетельствует: расшатывание территориальной целостности государств не входит в планы российского руководства. В конце концов, в России понимают, что практика «двойных стандартов» в своем же «пограничье» не принесет дивидендов и особой приязни ни среди его жителей, ни в мире в целом.

Сохранение статус-кво - вот наиболее жизнеспособный сценарий в глазах Кремля. В рамках этой формулы допускается определенный коридор тактических маневров: широкая автономия с разной степенью свободы во внешнеполитической деятельности и даже сложные конструкции самостоятельного управления с элементами международного контроля (как в свое время с Боснией, а сейчас с Косово). Главное - предотвратить юридическую децентрализацию государств.

Что это означает для участников «саммита непризнанных»? Такая «протестная самоорганизация» прогресса с точки зрения легитимации международно-правового статуса не обеспечит. Но определенный тактический эффект, безусловно, достигается. Хотя его кратковременность очевидна уже сейчас, до официальных итогов встречи. Подобные саммиты сами по себе не решают проблем до тех пор, пока у тех, кому эта пропагандистская акция адресована, не появится мотивированный интерес способствовать их решению. Так или иначе, ясно, что будущее и Абхазии, и Приднестровья, и Южной Осетии будет определяться в основном в русле двусторонних отношений «непризнанных» республик с государствами, в составе которых каждая из них де-юре пребывает. Раз так, то и разрешения проблем «непризнанных» в обозримом будущем ожидать не приходится. А саммиты «трех» будут и дальше периодически мелькать в сообщениях информационных агентств.